

мание уделялось приведению дел в порядок [2, с.10]. После ликвидации губернской канцелярии Я.Е. Сиверс возложил просмотр дел бывшей канцелярии на советника наместничьего правления бригадира Ащерина (после его отставки эта работа была поручена советнику палаты уголовного суда Новокрещенову). Поскольку разбором занимался только архивариус, после просьбы Ащерина наместничье правление направило в казенную палату, палаты уголовного и гражданского суда сообщение о ежедневном направлении после полудня приказных служителей для разбора старых дел. Аналогичные указы направлялись и в другие учреждения. Без еженедельного отчета об этой их деятельности чиновникам не выплачивалось жалование. В 1780 г. было приведено в порядок 23525 дел [3, л. 174]. Дела после разбора должны были передаваться во вновь созданные учреждения. Разбор дел продолжался, вероятно, до начала 90-х гг., но хранились они в непригодных помещениях: ц. Козмы и Демиана с Гремячей горы, в погребе Ильинской церкви на Запсковье [8, с. 103].

При Екатерине II магистраты стали судебными органами. Из городских расходов на магистраты приходилась половина (Великие Луки). Купец, входивший в магистрат, для ведения своих дел за пределами города хлопотал об отпуске, который давался обычно на 29 дней.

Остро стоял вопрос и о зданиях для городских учреждений. Средства на них собирали с купцов и мещан. В 1793 г. дума Великих Лук решила строить каменное здание для магистрата по плану, присланному из Пскова. Следует отметить, что в дальнейшем в построенном здании размещались все городские учреждения. [7, с. 27].

1. Василев, И.И. Дела псковской провинциальной канцелярии. Материалы по истории Псковской старины. Псков. 1884.
2. Герасименко, Т.Е. Из истории архивов Псковской губернии в последней четверти XVIII в. //Материалы шестых псковских архивных чтений. 14-16 ноября 2011 года. Псков 2012.
3. Государственный архив Псковской области (ГАПО). - Ф. 74. Оп. 1. Д. 41.
4. Губернский Псков в архивных документах. Сборник государственного архива Псковской области. – Псков: 2010.
5. Кизеветтер, А.А. Посадская община в России в XVIII столетии. Москва: Типография Московского университета, 2003.
6. Писарькова, Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века. Москва: «РОССПЭН», 2007.
7. Пульхеров, А.И. Великолукское общественное управление 1785-1891 гг. Великие Луки : Великолукская гор. тип., 2012
8. Тимошенкова, З.А. Управление Псковом и Псковской землей в XVIII в. //История органов власти и управления в Псковском крае (с древнейших времен до наших дней) – Псков:2016. С. 78-117.

США И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ XVIII В.: ПРОБЛЕМА СОЮЗОВ С ИНОСТРАННЫМИ ДЕРЖАВАМИ В КОНТИНЕНТАЛЬНОМ КОНГРЕССЕ (ИЮЛЬ – СЕНТЯБРЬ 1776 Г.)

Д.В. Дорофеев (Симферополь, Россия)

В отличие от предшествовавших двух столетий, в XVIII в. влияние религиозного фактора на процесс формирования внешней политики государств Европы начинает резко уменьшаться [3, с. 431]. Форма правления также не была причиной для заключения союзов: монархии и республики не просто сосуществовали, но и создавали альянсы для достижения общих целей – австро-венецианский союз 1718 г., франко-голландский союз в годы Войны США за независимость в 1776 – 1783 гг. [7, р. 96]. С уменьшением религиозного фактора и созданием национальных государств, XVIII в. демонстрировал, что войны становятся по своей природе коалиционными. Из-за того, что проходившие войны не давали преимущество ни одному из государств или их определенной коалиции, особенности альянсов Вестфальской системы международных отношений сводились к следующему: формат военно-политических коалиций не предусматривал продолжительное сотрудничество – непостоянство и быстрое изменение союзников были свойственным признаком для международных отношений эпохи, в которой зарождались и становились США [1, с. 52; 3, 438]. Альянсы были настолько гибкими, что утрачивали продолжительность и прочность, так как участники союзов стремились найти причины не выполнять обязательства и разорвать связи в подходящий для них момент [12, р. 7 – 8]. В результате, союзы не были инструментом для предотвращения войн и создания системы коллективной безопасности [7, р. 112]. В результате, как правило, войны завершались не самоограничением или признанием международной легитимности той или иной державой, а взаимным экономическим, финансовым и военным истощением. Как следствие – мир был миром упадка. Умеренность оказывалась результатом временной передышки, необходимой для экономического, военного и финансового восстановления [2, с. 337-339].

Изучение истории альянсов XVIII в. позволяет выделить четыре базовых типа союзов, которые практиковались. Первый – симметрично-однородный альянс («aggregation» alliance): члены союза сотрудничают на взаимовыгодной основе (англо-прусский союз 1756 – 1762 гг.). Второй – ассиметрично-однородный альянс («guarantee» alliance): члены союза взаимовыгодно сотрудничают, но сроки функционирования альянса определяются исключительно наиболее мощным участником (англо-голландский союз 1702 – 1756 гг.). Третий – ассиметрично-разнородный альянс («hegemonic» alliance): участники сле-

дуют разным установкам, но дисбаланс их таков, что наименее зависимый не может заставить наиболее зависимых следовать его курсу, так как это может нанести ему вред (англо-французский альянс 1716 – 1731 гг.). Четвертый – симметрично-разнородный альянс («deadlocked» alliance): члены альянса обладают равной мощью, но позиция сторон не может быть легко согласована, поэтому отношения в рамках союза заходят в тупик (австро-французский альянс 1756 – 1785 гг.) [5, p. 5 – 6].

Европейский опыт, усвоенный британскими колонистами в Северной Америке на протяжении XVII – XVIII вв., дал о себе знать уже в первые месяцы существования США в 1776 г. После провозглашения независимости они получили возможность проводить внешнюю политику как суверенное государство. На тот момент ни одна держава мира официально не признала их статус, поскольку первое самопровозглашенное государство в Западном полушарии вело войну с Великобританией – наиболее мощной державой последней трети XVIII в. В этой сложной ситуации многое зависело от способности США организовывать эффективные отношения с иностранными государствами.

В первые дни после провозглашения независимости, в Континентальном Конгрессе преобладало мнение наиболее рьяных поборников независимости США – С. Адамс (Масс.), Ч. Кэрролл (Мэр.), А. Кларк (Н.-Дж.) – призывавших к скорейшему направлению американских посланников в иностранные государства и заключить с ними союзы [9, p. 417; 10, p. 416; 11, p. 458]. В частности, развитие отношений с Францией и Испанией могло оказать поддержку североамериканскому государству в борьбе с Великобританией [4, p. 597; 6, p. 595].

В атмосфере оптимистических надежд, 18 июля 1776 г. был представлен на рассмотрение Континентального Конгресса первый вариант плана соглашений с иностранными государствами (План. – далее) [8, p. 578]. Однако, принят этот документ будет только во второй редакции и спустя два месяца, 17 сентября 1776 г. [8, p. 575-589, 696, 709-710, 718, 768-778]. Несмотря на незначительные различия между двумя вариантами текста, касавшихся очередности статей и точности формулировки, содержание документа оставалось неизменным. Изучение окончательного варианта Плана дает возможность определить внешнеполитический курс США.

В целом, План отражал стремление вести Соединенными Штатами политику свободной торговли и защиты этого принципа вооруженными средствами, как своими силами, так и силами своего союзника (Ст. 1-4). Вся система коммуникации Франции должна была быть открытой для американского экспорта или транзита американских товаров в другие регионы мира. Однако, квинтэссенцией договора было развитие отношения с Францией, которая должна была заменить Великобританию в сфере безопасности и обеспечить ее для США.

Обращает внимание текст документа и на трансформацию системы международных отношений, связанной с британо-французским соперничеством, отображено в тексте документа ссылкой на фактор действия двусторонних отношений в условиях войны, как следствие геополитического противостояния европейских центров силы. 23% статей документа регулировали двусторонние отношения в условиях войны. В частности, стратегическая линия американской внешней политики была направлена на втягивание Франции в войну с Великобританией (Ст. 7).

В условиях трансформации баланса сил, затрагивавшей в первую очередь европейские державы, американские стратеги отчетливо понимали целесообразность побудить Францию признать за США право на обладание зоны, дававшей им ресурсы для становления мощи державы. Фактически, делегаты Континентального Конгресса стремились создать зону американского влияния, легитимность которой была бы принята и поддержана европейской державой. Это пространство должно было включить в себя Лабрадор, Новую Британию, Новую Шотландию, Аккадию, Канаду, Флориду и какие-либо иные территории североамериканского континента, а также островов Ньюфаундленда, Кейп-Бретон, Сент-Джон, Антикости, Бермуды и Багамы или иные острова, находящиеся под контролем Великобританией до подписания соглашения (Ст. 8-9).

В американской внешнеполитической стратегии, выраженной в тексте плана соглашения, четко прослеживается стремление делегатов Континентального Конгресса выделить регионы, важные для развития Соединенных Штатов, но которые не могли стать пространством американского доминирования. Таковыми регионами были Западная часть Средиземноморья и Вест-Индия.

Относительную слабость военно-политического присутствия в зоне Средиземного моря США стремились компенсировать развитием отношений с Францией, которые в условиях разрыва американо-британских отношений, должны были защищать военными средствами экономические интересы Соединенных Штатов в Средиземноморье, угрозы которым проистекали от государственных образований в Северной Африке. Примечательно, что Соединенные Штаты становились государством, внешнеполитическая ориентация которых была сосредоточена на развитии отношений только с европейскими странами. При формировании внешней политики отцы-основатели исходили из цивилизационной близости формирующегося американского государства с европейскими странами. Так, делегаты Континентального Конгресса стремились использовать французскую военно-морскую мощь для обеспечения защиты, обороны, безопасности американских судов и американцев от атак, нападений, насилия, оскорблений,

грабежей, которые проистекали от руководства Марокко, Алжира, Туниса, Триполи и от других государственных образований и их властей Варварского берега Северной Африки (Ст. 3, 6). Несмотря на то, что в тексте документа встречаются исламские государства – Алжир, Тунис, Триполи, королевство Марокко, – в этом источнике оговаривалось развитие отношений только с христианскими странами.

Документом предусматривался свободный экономический доступ США к островам Вест-Индии, которые могли перейти под контроль французской державы: если в случае любой войны, Франция захватит и присоединит к своей империи территории острова Вест-Индии, которые находятся под юрисдикцией Великобритании или других европейских держав, то Соединенные Штаты должны обладать теми же правами, которые они имеют на всей территории Франции (Ст. 10).

Фактически содержание Плана показывало, что отцы-основатели США делали ставку на развитие отношений с иностранными государствами на основе ассиметрично-разнородного альянса.

17 сентября 1776 г. Континентальный Конгресс принял окончательный вариант текста договора с иностранными государствами. Это решение привело к дальнейшему развитию событий: спустя неделю, 26 сентября 1776 г., были избраны посланники США во Францию для заключения договора. Ими стали Б. Франклин (Пенс.), С. Дин (Конн.) и Т. Джефферсон (Вирг.) [8, р. 827], создавшие первый в истории внешней политики союз с иностранной державой, превосходившей мощью североамериканское государство.

1. Зонова Т. В. Дипломатия: Модели, формы, методы : Учебник для вузов / Т. В. Зонова. – М. : Аспект Пресс, 2013. – 348 с.
2. Тешке Б. Миф о 1648 годе : класс, геополитика и создание современных международных отношений / Б. Тешке. – М. : Изд. дом ун-та – Высшей школы экономики, 2011. – 416 с.
3. Черняк Е. Б. Система международных отношений в Европе в XVIII веке (до 1789 г.) / Е. Б. Черняк // История Европы : в 8 томах. – Т. 4. Европа нового времени (XVII-XVIII века). – М. : Наука, 1994. – С. 430 – 456.
4. Abraham Clark to James Caldwell. Philad. August 1776 // Letters of delegates to Congress, 1774–1789 : in 26 Vols. / Ed. by P. H. Smith. – Washington : U.S. G.P.O., 1979. – Vol. 4. – P. 597.
5. Cesa M. Allies Yet Rivals: International Politics in 18th Century Europe / Marco Cesa. – Stanford : Stanford University Press, 2010. – 312 p.
6. Ch. Carroll to Charles Carroll, Sr. Pha. 1st Aug. // Letters of delegates to Congress, 1774–1789 : in 26 Vols. / Ed. by P. H. Smith. – Washington : U.S. G.P.O., 1979. – Vol. 4. – P. 595.
7. Holsti K. J. Peace and war : armed conflicts and international order 1648-1989 / Kalevi J. Holsti. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2000. – P. 9
8. Journal of Continental Congress, 1774–1789 : in 34 Vols. / Ed. by Edmund C. Burnett. – Washington : U.S. G.P.O., 1906. – Vol. 5 – 856 p.
9. Samuel Adams to John Pitts [c. July 9, 1776] // Letters of delegates to Congress, 1774–1789 : in 26 Vols. / Ed. by P. H. Smith. – Washington : U.S. G.P.O., 1979. – Vol. 4. – P. 417.
10. Samuel Adams to Joseph Hawley. Philade July 9 1776 // Letters of delegates to Congress, 1774–1789 : in 26 Vols. / Ed. by P. H. Smith. – Washington : U.S. G.P.O., 1979. – Vol. 4. – P. 416.
11. Samuel Adams to Richard Henry Lee. Philada. July 15 1776 // Letters of delegates to Congress, 1774–1789 : in 26 Vols. / Ed. by P. H. Smith. – Washington : U.S. G.P.O., 1979. – Vol. 4. – P. 458.
12. Schroeder P. W. The Transformation of European Politics, 1763–1848 / P. W. Schroeder. – Oxford University Press, 1994. – 894 p.

ВОЙНА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ США КАК РЕВОЛЮЦИЯ: ВЗГЛЯД ИЗ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

М.А. Филимонова (Курск, Россия)

Современники Войны за независимость США уже выработали довольно четкое представление о революционном процессе. Под термином «революция» понимался резкий переворот, будь то в политике, законодательстве или общественном мнении. Философы-просветители также обосновали право народа на сопротивление угнетению. «Где кончается закон, начинается тирания... И если кто-либо из находящихся у власти превышает данную ему по закону власть... то ему можно оказывать сопротивление, как и всякому другому человеку, который силой посягает на права другого», – рассуждал Дж. Локк [3, т. 3, с. 379; см. также: 2].

С самого начала англо-американского конфликта патриоты (американские виги) доказывали, что британский подданный не обязан подчиняться законам, на которые он не давал своего согласия, и вправе добиваться отмены таких законов. Именно в этом, как правило, и видели сопротивление угнетению. «Если по решению британского сената колонисты оказались бы отданными на произвол французской или турецкой тирании, – рассуждал виргинец Р. Блэнд, – то они могли бы отказаться подчиниться такому решению и сопротивляться его исполнению насильственными средствами». Парламент не мог лишить их ни естественных, ни гражданских прав [8, р. 84]. Обращаясь к причинам революции, ее современник и историограф Д. Рамсей возводил традицию сопротивления тирании к пуританской теологии. Революция для него была естественным результатом столкновения двух противоборствующих сил: Британия стремилась к установлению в колониях деспотизма, в то время как колонисты стремились отстоять свои права. Собственно, Рамсей одним из первых создал образ легалистской и консервативной Американской революции [19].